

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

6—8 сентября 1972 г. в Саранске состоялась XIV Всесоюзная конференция финно-угроведов, посвященная 50-летию образования СССР. В ее работе приняли участие лингвисты, археологи, этнографы, антропологи, фольклористы и литературоведы РСФСР, Украины и Эстонии. На конференции было прослушано и обсуждено около 150 докладов и сообщений. Конференцию открыл первый секретарь Мордовского Обкома КПСС А. И. Березин.

На пленарных заседаниях было сделано шесть докладов, в том числе «Мордовия в братской семье народов» Н. И. Чиняева (Саранск), «Мордовский героический эпос „Тюштянь мастор“» В. В. Горбунова, Г. Я. Меркушкина, А. Д. Шуляева (Саранск). В докладе П. Аристэ (Тарту) «Вопрос балтийских заимствований» была подвергнута критике установившаяся точка зрения на то, что предки поволжских финно-угров и балтийцев некогда были соседями. Еще до прихода финно-угров в Прибалтику там были редкие поселения индоевропейцев, говоривших на сатем-языке. Поволжские финно-угры также жили в непосредственной близости от индоевропейцев — носителей сатем-языка. Общие индоевропейские заимствования (прежде они считались балтийскими) в прибалтийско-финских и поволжских языках вошли в отдельные финно-угорские племенные языки, как доказывает П. Аристэ, еще до того, как балтийцы стали соседями прибалтийских финнов. Кроме того, в поволжских, прибалтийско-финских и балтийских языках, по мнению П. Аристэ, имеются отдельные слова, вошедшие в эти языки из языков-субстратов неиндоевропейского происхождения.

В докладе «Пути образования единого эстонского литературного языка» А. Каск (Тарту) отметил, что это становление происходило на базе северозападного наречия, причем решающими были не только экономические, географические и исторические условия, но и культурные и лингвистические факторы.

В докладе В. И. Лыткина (Москва) «Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм» обращалось

внимание на тесную связь между происхождением аканья в русском языке и развитием вокализма общемордовского языка: эта связь обусловлена историческими судьбами древнерусского диалекта вятичей и тех мордовских говоров, носители которых в течение ряда столетий жили в бассейне Оки на общей с вятичами территории.

К. Е. Майтинская (Москва) в докладе «Будущее время в финно-угорских языках» выявила следующие типы образования форм будущего времени в современных финно-угорских языках: а) употребление особых личных окончаний (например, в пермских языках); б) использование особого показателя будущего времени (например, в венгерском); в) наличие вспомогательного глагола в составе аналитической формы (например, в мордовских); г) супплетивность (в прибалтийско-финских, пермских). Наличие разных способов выражения будущего времени в одном и том же языке докладчик объясняет широкими возможностями использования формы настоящего времени и некоторых других, неспециальных (для выражения времени) грамматических средств. Выбор того или иного способа, как правило, обуславливается стилистическими причинами.

В докладе А. П. Феоктистова (Москва) «Из истории мордовских письменнo-литературных языков второй половины XIX в.» проанализированы переводы с русского и некоторых других языков на мордовские и, в частности, с эрзя-мордовского на близкородственный мокша-мордовский. Отрицательные явления в переводческой практике XVIII—первой половины XIX в. были вызваны строгим предписанием синода о неуклонном следовании букве канонических текстов при их переводе.

На заседаниях секции лексикологии широко обсуждались вопросы изучения состава и ареалов распространения заимствованной лексики в разных группах финно-угорских языков (Т. И. Тепляшина, Москва; Т. М. Шеянова, Саранск и др.), усвоения финно-угорских заимствований русскими говорами (В. Д. Бондалетов, Пенза; Л. Г. Гусева, Свердловск и др.), проблемы фор-

мирования отраслевой лексики (Ф. И. Гордеев, Йошкар-Ола; Р. Н. Бузакова, Саранск; Ю. Ю. Сурхаско, Петрозаводск; В.-Л. Х. Кингисепп, Тарту; К. Т. Самоуров, Саранск; В. П. Федотова, Петрозаводск, и др.), результаты этимологических разысканий последних лет (Е. С. Гуляев, Сыктывкар; М. В. Мосин, Саранск; С. В. Соколов, Ижевск, и др.).

Участники секции фонетики, теории грамматики и истории языка прослушали доклады об истории чередования ступеней согласных в прибалтийско-финских языках (А. Лаанест, Таллин), о структуре слога в селькупском языке (Ю. А. Морев, Томск), разграничении вопросов и ответов по контурам основного тона (К. Венде, Таллин), пограничных сигналах под углом зрения фонотактики (М. Хинт, Таллин), интонационных моделях (М. С. Биушкин, Стерлитамак), фонетическом освоении заимствований (Е. А. Игушев, Сыктывкар), гармонии гласных (В. К. Кельмаков), происхождении новых фонем (Р. Ш. Насибуллин, Ижевск).

В секции морфологии были обсуждены некоторые спорные вопросы грамматики уральских языков, в том числе *Nomenverba* (Н. М. Терещенко, Ленинград), структура вторичных глагольных конструкций (Э. Ууспыльд, Тарту), фузия (М. Д. Имайкина, Саранск), сложные слова (Е. И. Ромбандеева, Москва), образование и функции словоизменительных формантов и деривационных морфем (В. И. Алатырев, Ижевск; Р. В. Бабушкина, Саранск; В. И. Данилов, Тарту; Н. Г. Зайцева, Петрозаводск; Е. И. Коведеева, Москва; И. Коньт, Таллин; А. Кюннап, Тарту; Д. Т. Надькин, Саранск; В. В. Сенкевич-Гудкова, Петрозаводск; Т. М. Тихонова, Саранск и др.), урало-алтайская и балтославянская изоглосса (Г. И. Лаврентьев, Глазов) и т. п.

На заседаниях секции синтаксиса дискуссия развернулась вокруг вопросов синонимии устойчивых глагольно-именных словосочетаний (М. И. Зайцева, Петрозаводск), классификации определенно-личных предложений (Р. А. Алешкина, Саранск), бессоюзных сложных предложений (И. С. Бузаков, Саранск), глагольного управления (В. М. Вахрушев, Ижевск), субъектно-причастных и глагольно-именных конструкций (Л. И. Калинин, Ижевск), развития союзов от отрицательных форм глагола (Р. Карельсон, Таллин), элементарных предложений (Х. Рятсеп, Тарту), атрибутивных сочетаний имен существительных в финно-угорских языках (К. Коньт, Таллин), соотносительности именных и глагольных словосочетаний, выражающих объектные отношения (В. М. Тюркина, Саранск), употребления отрица-

тельных слов (В. С. Шемерова, Саранск).

Внимание участников секции диалектологии привлекли доклады, посвященные выяснению роли периферийных диалектов в изучении истории языка (Р. М. Баталова, Москва; Г. И. Ермушкин, Москва; В. Д. Объедин, Саранск; Я. Н. Попова, Новосибирск; А. В. Пунжина, Петрозаводск; Т. Сейлентал, Тарту; Л. И. Тураева, Саранск, и др.), исследованию взаимодействия русских говоров с финно-угорскими (на материале фразеологии — А. С. Кривошекова-Гантман, Пермь), межъязыковых контактов в лингвогеографическом аспекте (П. Н. Лизанец, А. М. Рот, Ужгород), принципов отбора слов в диалектологический словарь (В. М. Олыкайнен, Петрозаводск), вариантности на разных уровнях языка (Д. В. Цыганкин, Саранск), финно-угорского населения на территории разных областей РСФСР (В. Д. Бондалетов, В. П. Волков, Т. Г. Дидиченко, Пенза).

Участники секции ономастики в своих выступлениях касались вопросов микро- и макротопонимии (А. П. Афанасьев, Москва; Н. Н. Мамонтова, Петрозаводск; В. Палль, Таллин; А. И. Туркин, Сыктывкар), антропонимии (Г. А. Архипов, Глазов), космонимии (В. А. Никонов, Москва) и этимологии топонимов (И. К. Инжеватов, Саранск, и др.).

На заседаниях секции фольклористики и литературоведения обсуждались вопросы национальной специфики жанров фольклора и литератур финно-угорских народов, взаимодействия фольклора и художественной литературы. На заседаниях секции археологии, антропологии и этнографии на обсуждение были поставлены проблемы генезиса древних культур финно-угров, этногенеза финно-угров по данным антропологии и др.

Участники конференции приняли решение очередную, XV Всесоюзную конференцию финно-угроведов провести в 1974 г. в одной из финно-угорских республик. Значительным событием стало создание Советского комитета финно-угроведов при ОЛЯ АН СССР. Постановлениями Президиума АН СССР от 28 октября 1971 г. и 11 января 1973 г. на Комитет возложено координирование основных направлений научно-исследовательской работы в области финно-угроведения в союзных и автономных республиках, осуществление научных и организационных связей с национальными комитетами финно-угроведов зарубежных стран, участие в подготовке международных конгрессов и симпозиумов финно-угроведов, издание материалов международных конгрессов и симпозиумов финно-угроведов, проводимых в СССР.

А. П. Феоктистов (Москва)

*

С 12 по 15 сентября 1972 г. в г. Самарканде проходила республиканская конференция «Актуальные проблемы русского словообразования», организованная Самаркандским гос. пед. ин-том им. С. Айни совместно с Самаркандским гос. ун-том им. А. Навои и Ташкентским гос. ун-том им. В. И. Ленина. В ее работе приняли участие языковеды ряда городов Узбекистана и других союзных республик. Было прослушано и обсуждено 90 докладов и сообщений.

В ряде докладов были поставлены теоретические проблемы словообразования. Ю. С. Маслов (Ленинград) посвятил свой доклад вопросу разграничения понятий основы и формата в дериватологии и парадигматике. Определение производящей основы как общей части производного и производящего слова распространяется на все случаи, включая явления усечения и аббревиации. При этом «общая часть» обязательно воплощается в «общем и материальном отрезке», она должна пониматься более абстрактно, в смысле элемента «глубинной структуры».

В докладе Е. А. Земской (Москва) были рассмотрены специфические черты окказиональных и потенциальных слов в русском словообразовании, которые, по ее мнению, составляют два его полюса. Однако и те и другие демонстрируют возможность, заложенные в системе языка: только в первом случае — это возможности, уже пробившие себе дорогу, а во втором случае — глубинные. Л. И. Ройзензон (Самарканд) в своем докладе говорил об особенностях деривационно-семантической абсорбции как специфического явления славянского глагольного словообразования. Доклад Р. И. Могилевского (Самарканд) был связан с вопросом, является ли аббревиация словообразованием.

Вопросы диахронии и синхронии в словообразовании рассматривались в докладе А. Н. Тихонова (Самарканд). Наиболее важными областями словообразования, где необходимо последовательно различать эти явления и где чаще всего они не различаются, отметил докладчик, является словообразовательная пара, гнезда слов, способы словообразования.

И. С. Улукханов (Москва) указал на возможность сопоставления исторических и современных явлений при строгом различении синхронии и диахронии, что было продемонстрировано им на двух группах промежуточных случаев в словообразовании (1 — слова, синхронно отражающие процесс возникновения новых значений у аффиксов, и 2 — слова, синхронно отражающие процесс возник-

новения новых аффиксов и новых способов словообразования).

А. С. Львов (Москва) в своем выступлении обратил внимание на значение словообразовательного анализа при этимологических разысканиях. Опрошение в результате семантического преобразования слова (на материале суффиксальных существительных) было показано А. Е. Ольшанским (Славянск). О принципе экономии и вопросах словообразования в лингвистическом наследии В. А. Богородицкого говорилось в докладе Г. Х. Суярова (Самарканд).

На конференции обсуждались и вопросы морфемного состава и словообразовательной структуры, членности и производности слова. В. В. Лопатин (Москва) в своем докладе выразил решительное несогласие с традиционной точкой зрения на соотношение морфемного и словообразовательного анализа. По его мнению, морфемный анализ языка в целом вторичен от анализа словообразовательного.

Вопросу членности слов посвящали свои доклады М. И. Морозова (Липецк) и Л. А. Шкатова (Челябинск). Выражение направления производности в русском языке рассмотрено в докладе А. Д. Зверева (Черновцы) и Ю. Н. Богдановой (Ашхабад).

Доклад О. П. Ермаковой (Москва) был связан с выявлением некоторых закономерностей в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова.

Л. Л. Ким и В. А. Низинская (Ташкент) охарактеризовали словообразовательную структуру отрицательных наречий на *-ше* в современном русском языке в аспекте статуса причастий в словообразовательной системе.

Внимание участников конференции было также привлечено к морфемам и их значениям. В. В. Лопатин и И. С. Улукханов в докладе о формальной (фонематической) близости алломорфов рассмотрели один из критериев идентификации морфемы, сформулированный в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. Делая акцент на неразрывности формы и значения морфемы как двусторонней языковой единицы, авторы считают необходимым учитывать семантическую и формальную стороны при установлении единства морфемы.

В. С. Гимпелевич (Баку) выделил и проанализировал несколько видов асемантем: 1) интерфиксальные элементы, например: *-он-*, в словах *иллюзионист*, *абстракционист* и т. д.; 2) наращения в конце слова — *-ник* в слове *палисадник* (дублетом с *палисад*), *-щик* в *дегазатор* — *дегазаторщик*.

Р. С. Манучарян (Ереван) обобщал мысль о необходимости последовательного разграничения полисемии слово-

образовательных аффиксов и их семантико-вариантности (по терминологии автора, аллосемии).

Е. Н. Лагутова (Самарканд) раскрыла явление интерфиксации при словообразовании от неизменяемых существительных. В. А. Горпинич (Николаев) показал особенности сочетания словообразовательных морфем в оттопонимических производных восточнославянских языков. Н. М. Черненко (Самарканд) на конкретных примерах продемонстрировала правила выбора морфем при образовании оттопонимических прилагательных в современном русском языке.

На специальном заседании обсуждалась книга А. Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка». Выступавшие (Ю. С. Маслов, А. И. Моисеев, В. С. Гимпелевич и др.) единодушно приветствовали саму идею составления гнездового словообразовательного словаря. С точки зрения И. Б. Штерн и других, «книга вносит весомую лепту в теорию словообразования и лексикографическую практику». Широкая дискуссия развернулась вокруг явления множественности словообразовательной структуры, которое исследуется в книге. О. П. Ермакова, в отличие от А. И. Моисеева, Л. Н. Засориной, считает множественность словообразовательной структуры явлением бесспорно существующей в языке. Выступавшие высказали и ряд замечаний в связи с отдельными моментами.

На конференции были поставлены вопросы словообразовательной синонимии, омонимии и антонимии. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) установила специфический характер синонимии словообразовательных средств в языках с общей типологией и возникающие в связи с этим особые межязыковые эквивалентные отношения.

В докладе о словообразовательных омонимах В. Н. Виноградова (Москва) обратилась к некоторым процессам словообразования в разговорной речи, приводящим к появлению омонимов. В разговорной речи обнаруживается довольно большая степень теримости к омонимии и активное стремление к использованию омонимии с целью создания экспрессивности.

В. Ю. Франчук (Киев) в сообщении о вопросах исторического словообразования в неопубликованных трудах А. А. Потебни указала на то, что уже в его работе «Именные суффиксы» заметна тенденция изучать формальную сторону словообразовательных элементов, характерная для современного языкознания, в тесной связи с теми значениями, которые они вносят в лексические ряды слов, образующихся с их помощью.

Вопросы словообразовательной омо-

нимии затрагивались также в докладах Б. К. Щигаревой (Самарканд), О. М. Ким (Ташкент), Л. И. Василевской (Москва) и др., синонимии — в докладах С. А. Емельяновой и Н. П. Билимович (Самарканд) и др.

На конференции широко обсуждались проблемы словообразовательных гнезд, семантической соотносительности производящего и производного слов. С интересными докладами выступили И. В. Альтман, П. А. Соболева, В. Н. Шевчук (Москва) «Сопоставительный анализ отглагольных словообразовательных гнезд в русском и английском языках» (совместный доклад), Л. Н. Засорина (Ленинград) «Генеративное словообразование и семасиология», И. Б. Штерн (Киев) «Об одной трактовке анализа морфемной структуры гнезда в связи с построением грамматики синтеза гнезд», Е. Л. Гинзбург (Москва) «Синтаксическая и лексическая деривация», С. Н. Шепелева (Москва) «Некоторые результаты опыта алгоритмического описания словообразовательной системы русского языка на графическом уровне» и др.

Н. П. Билимович, Н. М. Черненко
(Самарканд)

*

20—21 декабря 1972 г. в Москве проходила конференция «Глубинные и поверхностные структуры в языке», организованная МГПИИЯ им. М. Тореза и Институтом языкознания АН СССР. Открывая конференцию, Б. А. Серебренников (Ин-т языкознания) отметил, что интерес к «глубинным» явлениям и процессам в языке, получивший сейчас чрезвычайно широкое распространение, всегда присутствовал в лингвистических теориях; изучение смысловой стороны языкового высказывания является одной из актуальных задач современного языкознания и может способствовать анализу зарождения мыслительных и речевых процессов. Неоднозначное понимание термина «глубинные структуры», отмечающееся в литературе, ставит перед исследователями задачу — выявить генезис и объем понятий глубинных и поверхностных структур, установить их соотношенность с имеющимися представлениями о языковой структуре и определить возможность применения данных понятий. Наибольшее распространение получили три следующих понимания: глубинные структуры есть особый подход к анализу синтаксиса и семантики; глубинные струк-

туры — это метод анализа языкового материала или, наконец, операциональный прием при выявлении смысла предложения.

Вниманию участников конференции было предложено семь докладов, посвященных рассмотрению проблемы как в общетеоретическом, так и в конкретном и прикладном аспектах¹.

В докладе «О понятии глубинной и поверхностной структуры в языке» Г. В. Колшанский (МГПИИЯ) определил глубинные структуры как отношение между конкретными формами языка, представляющими его поверхность. На примере соотношения надежных форм (поверхностная структура) и внутренних грамматических отношений (глубинная структура), а также глубинных синтаксических отношений и поверхностных форм их проявления (в частности, атрибутивных связей) докладчик показал, что существование глубинных и поверхностных структур есть факт строения языка-объекта, характеризующий его внутреннюю сущность. Что касается соотносительности теории глубинных структур с общераспространенными семантическими теориями, то первая рассматривает значение как функцию формы, без выхода за пределы языковой структуры, в сферу предметной соотносительности, в то время как в проблематику семантических исследований входит и изучение отношений форм языка к обозначаемым ими явлениям.

Проанализировав состояние исследования глубинных структур по материалам XI Международного конгресса лингвистов, Н. А. Слюсарева (МГПИИЯ) пришла к выводу, что большинство исследователей склонно отождествлять глубинные структуры либо с семантикой языка, либо с логическими структурами, либо рассматривать их как операциональный прием, применяющийся в порождающей грамматике. Сам термин представляется мало удачным по своей внутренней форме. В названии доклада — «Вместо глубинной структуры — семантика отражения и лингвистическая семантика» — Н. А. Слюсарева сформулировала предлагаемый ею путь изучения внутренней стороны языка. Семантика отражения и синтаксис отражения выделяются как компоненты процесса отражения действительности, т. е. процесса познания. Объектом семантики отражения являются типы смысла, понятия и понятийные поля, основная задача — выяс-

нение способности языка выступать в форме знания; в решении ее участвуют смежные с языкознанием дисциплины. Объекты лингвистической семантики — слова и сочетания слов с точки зрения их содержания. Противопоставление семантики отражения и лингвистической семантики — это отображение не разной «глубины», а разных сфер анализа: сферы мышления и сферы языка.

Л. С. Бархударов (МГПИИЯ) в докладе «Понятие поверхностной и глубинной структуры в свете „аллоэмиической“ модели языковых единиц» показал, что понятие глубинной и поверхностной структуры помогает распространить различие эмиических и алло-единиц на синтаксический уровень, так как различия глубинных структур можно считать функциональными, а поверхностных — вариативными. Действительно, привлечение понятий глубинной и поверхностной структуры помогает разъяснять случаи синтаксической синонимии и омонимии, подобно тому, как различение морфем и алломорфов позволяет различать случаи грамматической и лексической омонимии и синонимии. Степень абстрактности глубинной структуры как единицы языка такова же, как и у фонем и морфем. Применение понятия глубинной структуры важно не только для синтаксической теории, но и для теории перевода и для преподавания иностранных языков. Л. С. Бархударов предложил выделить несколько уровней глубины с определенной иерархией: 1) поверхностный уровень; 2) модель НС — «дерево зависимостей»; 3) уровень трансформаций; 4) универсальная мыслительная структура.

Возникновение и различные применения понятия глубинной структуры прослеживаются в докладе П. А. Соболевой (Ин-т русского языка) «Понятие глубинной и поверхностной структуры и три типа порождающих грамматик». Очевидно, первым употребил термин «глубинная структура» Л. Витгенштейн; Ч. Хоккет назвал глубинной структурой синтаксические связи, не данные в прямом наблюдении. Н. Хомский ввел это понятие в трансформационную грамматику. В «стандартной теории» Хомского глубинной структурой, которой завершаются лексические трансформации и начинаются грамматические, определяется смысл предложения. Представители порождающей семантики (Дж. Лакоф, Дж. Росс, Дж. Мак-Колей и др.) критиковали Хомского за то, что таким образом синтаксис в его модели отрывался от семантики и неясным оставались роль и место кванторов, артиклей, отрицаний и пр. в порождении предложения. Эта критика заставила Хомского пересмотреть стандартную теорию, расширив роль семантического компонента и ослабив требование сохранения смысла не-

¹ См. «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“, М., 1972. Представленный в тезисах конференции доклад Т. В. Булыгиной «Глубинно-фонологическое представление морфологической структуры и простота описания» не был прочитан из-за болезни автора.

измененным в процессе грамматических трансформаций. В модели, созданной в рамках порождающей семантики, где процесс порождения начинается с семантической репрезентации в синтаксической форме, глубинная структура в понимании Хомского не может иметь места. В теории аппликативной порождающей грамматики глубинной структуре (и семантической репрезентации) соответствует структура базисного (эталонного) подязыка, построенного из элементарных предикатных структур, моделирующих мысли. В отличие от двух других типов порождающих грамматик, АПГ способна различить при процессе порождения универсальное, специфическое и линейное.

В докладе «Глубинные структуры и неоднозначность предложения» Н. Д. Арутюнова (Ин-т языкознания) показала, что идея глубинных структур возникла в связи с тем интересом, который логики, а затем и лингвисты стали проявлять к неоднозначности в отношениях между формой и содержанием в синтаксисе, и прежде всего — к явлению синтаксической омонимии. На раннем этапе развития теории глубинного синтаксиса эксплицитная конструкция (чаще всего в виде предложения) принималась за глубинную структуру имплицитной (свернутого предложения, словосочетания, иногда сложного слова); таким образом глубинная структура была контекстуально обусловленным основным вариантом, а поверхностные структуры — его позиционно ограниченными производными. Исследования, проводимые в этом направлении, расширили круг явлений синтаксической неоднозначности, что обусловило постепенный отход глубинных структур от формы к смыслу, пока школа порождающей семантики не стала различать глубинную семантическую репрезентацию и ее поверхностную синтаксическую реализацию. Семантическая репрезентация должна не только снимать омонимию и омоэмию, но и выявлять все возможные виды неоднозначности лексического и коммуникативного типа. На материале русской художественной прозы докладчиком были убедительно продемонстрированы факторы, влияющие на различное чтение предложения. Чем больше выявляется факторов неоднозначности, тем сложнее становится семантическая репрезентация, включающая такое множество компонентов, что это требует ее определенной стратификации. Таким образом, теория глубинных структур, объектом которой стало значение предложения, поставила перед лингвистами сложную задачу создания теории «грамматического смысла», и анализ синтаксической неоднозначности — один из предварительных этапов решения этой задачи.

Ю. С. Мартенянов (МГПИИЯ) в докладе «Глубинные структуры в описании языковой семантики» показал, что

эмпирическое понимание глубинной структуры как некоторого инварианта поверхностных манифестаций препятствует регулярному исчислению глубинных структур, введению критерия правильности/неправильности и выяснению их функциональной сущности и назначения. Поэтому представители теории порождающей грамматики, в отличие от структуралистов других школ, определяют глубинные структуры через процесс порождения в соответствии с естественным текстом. Применение понятия глубинной структуры позволяет включить «поверхностный» факт в систему соответствий с другими фактами, создает возможность построения развернутых гипотез о связях, сходствах, функциях языкового явления, «исчезающих» на поверхности. Отметив, что в теории Хомского базисный компонент порождает синтаксические структуры, а семантический компонент предстает как добавочный, в то время как Филлмор, Лакоф и др. вводят семантику в начальную стадию процесса порождения, а затем «подстраивают» синтаксические категории под семантические, докладчик предложил свое решение проблемы соотносительности семантики и синтаксиса: до и независимо от синтаксиса членов предложения вводится синтаксис смысла, порождаемый в процессе его артикуляции (расчленения), направляемого особыми синтаксическими факторами. На этой основе строится грамматика направленно-артикулируемого смысла, характерные особенности которой позволяют предусматривать семантическую правильность порождаемых выражений, полноту и адекватность поверхностных структур, понять функцию залоговых форм и некоторых вспомогательных глаголов и преодолеть ряд трудностей в описании текста.

М. Д. Степанова (МГПИИЯ) в докладе «К вопросу глубинных и поверхностных структур (опыт словообразовательного анализа)» подчеркнула, что не следует соотносить понятия глубинной и поверхностной структуры с планом содержания и планом выражения, так как поверхностная структура не лишена содержания; при этом возникает сложная проблема соотношения «глубинного» и «поверхностного» содержания и намечаются два подхода к решению этой проблемы: 1) «скрытые» категории не получают формального выражения в языковых знаках, а раскрываются в дистрибуции; 2) обобщенно-категориальное значение, свойственное поверхностным структурам, потенциально развертывается в более конкретных глубинных структурах. На примере типичных немецких словосложений основ существительных $St_1 + St_2$ с привлечением большого фактического материала было показано, что здесь при одной и той же форме представлены две модели, а внутри каж-

дой из моделей случаи различной семантической емкости (докладчик придерживается второго из указанных пониманий глубинных структур). Применяв несколько разных способов анализа данных словосложений, М. Д. Степанова показала, что выявление глубинных и поверхностных структур производится исходя из значения соединения в целом, из значения его компонентов в отдельности или из ситуационного контекста различного объема.

Выступавшие в прениях подчеркивали необходимость творческого подхода к анализу теории глубинных структур и к использованию ее в лингвистических исследованиях. В. Н. Ярцева отметила, что трезвый подход к понятию глубинных структур должен исключить его универсализацию и предостерегла от чрезмерной схематизации при раскрытии языкового содержания. И. Р. Гальперин подверг критическому анализу термин «глубинная структура» в сопоставлении с терминами «смысл», «семантический инвариант», «понятийная категория», указав при этом на возможности применения глубинных структур в стилистических исследованиях. Е. С. Кубрякова предложила наиболее общее и общеприемлемое понимание глубинной структуры как направления исследования от формы к содержанию, от лексики и грамматики — к семантике. В. А. Звегинцев также подверг критике термин, выразив сомнение в том, что глубинные структуры можно считать фактом языка, а не лингвистической теории. Б. А. Абрамов констатировал, что неоднозначность и девальвация терминов является общей проблемой современной научной терминологии. Поэтому нецелесообразно заимствовать словесные обозначения понятий из одной теории и переносить их в другую, изменяя их смысл.

Н. Ф. Иртеньева показала в своем выступлении важность трансформационного анализа для методики преподавания языка. И. Н. Сухова, приведя в качестве аргумента залоговые трансформации, высказала сомнение в существовании для них общей глубинной структуры и в возможности восстановления единой внеязыковой ситуации. С. К. Шаумян еще раз коснулся различий между концепциями Н. Хомского и представителей порождающей семантики, отметив, что причинами этих различий являются не только лингвистические, но и общетеоретические расхождения. После краткого обзора сделанных докладов Б. А. Серебрянников отметил, что большинство выступавших критиковало сам термин «глубинная структура», и предложил в качестве возможной его замены термины «определяющая функция» или «глубинный смысл».

Закрывая конференцию, Г. В. Колшанский констатировал, что основными ее задачами было выявление того, на каких уровнях языка и в каких пределах можно оперировать понятиями глубинной и поверхностной структур, а также поиск точек соприкосновения общей лингвистической теории и порождающей грамматики. Эти задачи можно считать успешно выполненными. Конференция показала, что понятия глубинной и поверхностной структуры плодотворно применяются как в исследованиях общетеоретического характера, так и в разработке проблематики синтаксиса, семантики, словообразования, морфологии. Совместное проведение конференции силами научно-исследовательских и научно-педагогических учреждений также способствовало более полному освещению ее темы.

М. А. Журицкая (Москва)

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» is deeply obliged to the Publishing Houses who send us their books for review. The Editorial Board announces that it cannot guarantee the reviewing of all the books received at the Editorial Office. The critiques will be published according to the possibilities of our journal. Two offprints will be sent to the Publishers. Books received are not sent back.

*

La rédaction de la revue «Voprosy Jazykoznanija» [exprime sa gratitude profonde à toutes les maisons d'édition qui nous envoient leur production imprimée pour critique. La rédaction annonce qu'elle ne peut pas garantir la publication d'un compte-rendu pour chaque livre reçu à la rédaction. Les comptes-rendus seront publiés selon les possibilités de la rédaction. Deux tirages-à-part seront envoyés aux maisons d'édition. Les livres reçus à la rédaction ne sont pas rendus aux éditeurs.

*

Das Redaktionskollegium der Zeitschrift «Voprosy Jazykoznanija» ausspricht sein tiefempfundenen Dank den Herausgeber, die uns Rezensionsexemplare ihrer Bücher senden. Das Redaktionskollegium teilt mit, daß alle erhaltene Bücher können in unserer Zeitschrift natürlich nicht besprochen werden. Die Rezensionen werden je nach den Möglichkeiten unserer Zeitschrift veröffentlicht. Zwei Sonderabdrücke werden unbedingt jedem Herausgeber abgeschickt. Die an die Redaktion erhaltene Bücher sind gewöhnlich zuhü zurückgesandt.

CONTENTS

Articles: M. M. G u k h m a n (Moscow). Linguistic universals and typological studies; I. K. B e l o d e d (Kiev). Investigation of the Ukrainian language in the works of academician V. V. Vinogradov; **Discussions:** N. Y. S v e d o v a (Moscow). Some debatable problems in the description of structural schemes of the simple sentence and its paradigms; N. S. A v i l o v a, S. N. D m i t r i e n k o, V. A. P l o t n i k o v a, I. S. U l u k h a n o v (Moscow). Some debatable problems in the description of grammatical structure of the Russian language; I. I. K o v t u n o v a (Moscow). Word-order as object of grammatical study; Y. S. S t e p a n o v (Moscow). Contemporary links between linguistics and logic; **Materials and notes:** V. P. D a n i l e n k o (Moscow). Concerning terminological word-formation; A. T. K r i v o n o s o v (Kalinin). Structure of language and system of word-classes; T. G. K h a z a g e r o v (Rostov-on-Don). Accent as a means for the differentiation of grammatical forms; V. N. T e p l o v a (Moscow). Materials for the study of historical connections between western and northern dialects of the Russian language; A. A. W e i l e r t (Krasnodar). On the use of quantitative data in dialectology; **Reviews.**

SOMMAIRE

Articles: M. M. G o u k h m a n (Moscou). Les universaux linguistiques et les études typologiques; I. K. B e l o d e d (Kiev). Investigation de la langue ukrainienne dans les oeuvres de l'académicien V. V. Vinogradov; **Discussionns:** N. Y. S v e d o v a (Moscou). Quelques problèmes litigieux dans la description des schèmes structuraux de la proposition simple et ses paradigmes; N. S. A v i l o v a, S. N. D m i t r i e n k o, V. A. P l o t n i k o v a, I. S. O u l o u k h a n o v (Moscou). Quelques problèmes litigieux dans la description de la structure grammaticale de la langue russe; I. I. K o v t o u n o v a (Moscou). L'ordre des mots comme objet de l'étude grammaticale; Y. S. S t e p a n o v (Moscou). Les liens contemporains entre la linguistique et la logique; **Matériaux et netices:** V. P. D a n i l e n k o (Moscou). À propos de la dérivation terminologique; A. T. K r i v o n o s o v (Kalinin). Structure de la langue et système de classes des mots; T. G. K h a z a g e r o v (Rostov-sur-le Don). L'accent comme moyen pour la différenciation des formes grammaticales; V. N. T e p l o v a (Moscou). Matériaux pour l'étude des rapports entre les dialectes occidentaux et septentrionaux de la langue russe; A. A. W e i l e r t (Krasnodar). Sur l'emploi des données quantitatives en dialectologie; **Comptes-rendus.**

Технический редактор Т. И. Шеленкова

Сдано в набор 28 IV 1973 г.	Т-07482	Подписано к печати 2/VII-1973 г.	Тираж 6900 экз.
Зак. 2207	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 14,0	Вум. л. 5,0
			Уч.-изд. л. 16,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10